

ОБРАЗЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ У СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА КОЛЛЕКТИВНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Уже не первое десятилетие небывалую популярность в исторической науке имеет такой феномен как коллективная историческая память. Интересно, что трактовать этот феномен можно по-разному. Так, с одной стороны, историческая память воспринимается как нечто чувственно-рациональное или эмоционально-субъективное осознание прошлого, которое, в свою очередь, крепко завязано на коллективном восприятии минувших событий, вплоть до трансформации исторического знания в различные формы мировоззренческого опыта [4, с. 4]. С другой стороны, следует понимать, что в повседневности мы нередко соприкасаемся с коллективной памятью, как с некоторой формой совокупных представлений людей об историческом прошлом, которая транслируется современным обществом как стопроцентная правда, неотложная истина. В бытовом общении эти неотложные истины зачастую всплывают в качестве нарратива и подкрепляются весомыми аргументами, что «это знает каждый», «это доподлинно известно всем» и т.д.

Однако с научной позиции основную проблему в изучении данного феномена представляет конфликт коллективной памяти с индивидуальным историческим знанием. Рассмотрим ряд примеров. Так, наиболее острым в данном случае является вопрос о причинах неудач Красной Армии летом – осенью 1941 г. И, конечно же, фундаментальной опорой дискуссий является тезис о внезапном нападении Германии и всего. Наверное, уже тысячи книг и учебников начинались со строк «внезапно, вероломно и т.д.»

В рамках сугубо научного знания уже давно установлено, что советскому военно-политическому руководству в мае–июне 1941 г. было хорошо известно, что нападение Германии вот-вот состоится. Более того, понимание происходящего присутствовало и ранее. Примеров, подтверждающих этот тезис, немало. Так можно перечислить все армейские соединения, заблаговременно стягиваемые в западные приграничные округа, концентрацию сил ВВС вдоль границы с Германией и т.д. Также в пользу понимания о неизбежности войны свидетельствуют в своих мемуарах многие участники тех событий, такие как Н.Г. Кузнецов [2], К.К. Рокоссовский [6], Г.Н. Захаров [1] и другие. В целом исследованию данной темы автором была посвящена книга «Образы мировой войны: версии и реалии» [5], где были рассмотрены многие аспекты данного дискурса. Не углубляясь далее в сюжетику, отмечу лишь основную канву.

Да, с одной стороны, войну предвидели и тотально усиливали армии западных округов. Также был выпущен и ряд директив о скором начале войны. Но все эти меры, к сожалению, ожидаемого результата это не дали. Управление советскими войсками было быстро потеряно, многие фронты рухнули, а государство оказалось на грани гибели.

Один из ответов на вопрос «почему так произошло» лежит в плоскости понимания, как именно советское руководство представляло себе будущую войну? Как в понимании Иосифа Сталина и командования Красной армии должны были начинаться боевые действия? Представляется, что все они в этом опирались прежде всего на пережитый опыт. А он был не малый. Вспомним события в канун Первой Мировой войны: убийство Франца Фердинанда и последующие за этим дипломатические баталии, во время которых страны проводили мобилизацию, вводили режим опасности войны и ряд схожих мер. Вторжение Гитлера в Польшу также было сопряжено с выяснением отношений в рамках дипломатических претензий, требований и финального ультиматума Зимней войне 1939–1940 гг. также предшествовал существенный накал международной обстановки и т.д.

Думается, что в схожем ключе начало войны представляло себе начало войны и советское руководство. К сожалению, в Кремле был упущен один очень важный момент: Вермахт, ведущий эту войну с 1939 г., был уже давно отмобилизован, и Германия не нуждалась в периоде дипломатических войн и претензий. Третий рейх мог направить удар против любой страны и в любой момент. И, что самое важное, этот удар мог носить сокрушающий характер, т.к. он наносился сразу всеми силами. Поскольку ожидать окончания мобилизации не нужно. Вот именно в этом, судя по всему, и наблюдалась внезапность. Не в самом понимании, что Гитлер нападет на СССР, а в отсутствии дипломатической подготовки и в масштабах первого удара. Однако все эти знания до сих пор находится вне коллективной исторической памяти. Это во многом связано с учебной литературой, кинематографом, позицией СМИ и т.д.

Напомню, что это лишь один из аспектов дискуссии, а в рамках данной работы важнее другое: рассмотренный выше конфликт коллективной памяти с индивидуальным историческим знанием в данном случае дополняется еще одной особенностью. А именно, преподавая историю в технологическом вузе, автор работы столкнулся со следующей динамикой этого конфликта. Если ранее на рубеже «нулевых» и «десятих» годов XXI в., студенты, бесспорно, являясь носителями коллективной исторической памяти о войне, были нередко удивлены, когда сталкивались с научным знанием о 1941 г., и проявляли неподдельный интерес, то начиная со второй половины «десятих» годов, этот эффект удивления стал уменьшаться. И связано это отнюдь не по причине углубленных знаний по истории Великой Отечественной войны у учащихся. Нет, дело в том, что у нового поколения значительно трансформировалась

коллективная историческая память. Великая Отечественная война в понимании студента технического вуза отодвинулась в разряд сюжетов о войне с Наполеоном, шведами и т.д. И если ранее студенты вовлекались в конфликт коллективного и индивидуального научного знания просто по причине ощущения своей сопричастности с событиями 1941–1945 гг., то теперь этот феномен можно наблюдать лишь у людей, интересующихся историей, либо у студентов гуманитарных направлений, которые уделяют изучению истории намного больше времени. В целом же, приходится признать, что общий интерес у школьников и абитуриентов к изучению истории Великой Отечественной войны, в рамках научного знания не столь велик. И в данном случае имеет смысл отдельно рассматривать формирование коллективной памяти в рамках школьной программы.

В рамках преподавания в вузе на технических специальностях положительный эффект дала попытка преподнести Великую Отечественную войну, не вырывая ее из общей исторической материи. Именно представляя Вторую Мировую войну и Великую Отечественную как часть единого глобального мирового конфликта первой половины XX в., удалось значительно повысить погруженность учащихся в тематику. Понимание студентами исторического процесса, общей событийной канвы, позволило не только усилить представления о войне 1941–1945 гг. в коллективной исторической памяти, но и обеспечить это чувственно рациональное восприятие прошлого научным знанием.

В качестве другого примера конфликта коллективной памяти с индивидуальным историческим знанием, следует привести уверенность большинства современных граждан, что Германия всегда являлась для исторической России традиционным противником. Этот тезис также преподносится как единственно верный, т.к. «это известно каждому». И да, если рассматривать историю Великой Отечественной войны, даже вкупе с Первой Мировой войной, то все выглядит более чем правдоподобно. Однако если углубиться в генезис Первой Мировой войны, то вопросы о традиционном образе врага появятся незамедлительно. Очень быстро начнет всплывать неоднозначная роль Великобритании. Дальнейшее углубление в историю взаимоотношений Российской и Германской империи, а также в более раннее время, и вовсе выведет Великобританию в абсолютные лидеры в качестве основного соперника исторической России.

Подводя итог, отметим, что индивидуальное историческое знание, несомненно, представляет значительно более сложную картину, колеровка и мозаичность которой не позволяет ее соотнести к банальному «это знают все» [3, с. 8].

Источники

1. Захаров, Г. Н. Я – истребитель / Г. Н. Захаров. – М. : Воениздат, 1985. – 229 с.

2. Кузнецов, Н. Г. Курсом к победе: мемуары / Н. Г. Кузнецов. – М. : Голос, 2000. – 624 с.
3. Поливанов, Я. М. Генезис мировых войн XX в. Размышления историка / Я. М. Поливанов. – Казань : Центр инновационных технологий, 2018. – 268 с.
4. Поливанов, Я. М. Ключевые образы Великой Отечественной войны в историко-политической мысли в условиях общественных перемен (конец XX – начало XXI вв.) : автореф. дис. ...канд. ист. наук : 23.00.01 / Я. М. Поливанов ; Казан. гос. ун-т им В. И. Ульянова-Ленина. – Казань., 2009. – 23 с.
5. Поливанов, Я. М. Образы мировой войны: версии и реалии / Я. М. Поливанов. – Казань : Шаг-полиграф, 2013. – 216 с.
6. Рокоссовский, К. К. Солдатский долг / К. К. Рокоссовский. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 480 с.

***В.В. Стариченок**, кандидат исторических наук, доцент
БИСИ (Минск)*

БЕЛАРУСЬ И КОСМОС: ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, ОБЩЕСТВО

В 2021 г. прошло 30 лет с момента обретения Беларусью независимости. Фактически это отрезок времени, который представляет отдельную часть истории конца XX – первой четверти XXI в. с внушительной фактурой, объемным массивом источников информации, оценками очевидцев, непосредственно вовлеченных в социально-экономические и общественно-политические процессы. Разумеется, взгляд на современность во многом определяется текущим моментом, что «отдаляет» ее от чистой истории, на что обращали внимание и классики исторической науки. Так, Марк Блок задается вопросом, где кончается история и начинается политика, экономика, социология, журналистика. Однако тезисы о том, что современность не поддается беспристрастному изучению и подвержена вмешательству страстей, не удовлетворяют ученого, который констатирует следующее: «Современная история всегда будет иметь своих специалистов, так же как каменный век или египтология» [3, с. 24, 29]. Следовательно, период становления Беларуси как суверенного государства требует своего обобщения, выработки подходов к его анализу.

Один из важнейших сюжетов истории современности – космонавтика, успехами в развитии которой определяется научный потенциал государства, его прогрессивный имидж как внутри страны, так и на международной арене. Исследование этого аспекта сквозь призму белорусского общественного мнения позволит составить представление о восприятии гражданами достижений, формирующих гордость за Беларусь, более четко обозначить точки согласия и консолидации общества.